

**БОРИС ЗУДЕРМАНН**

# ДОМ



# Борис Зудерманн

## Дом

*Издательский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=26929742](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26929742)*

*Дом. Оккультно-криминальная повесть: Издательство «Титул»; 2012*

*ISBN 978-3-934583-05-4*

### **Аннотация**

«Сюжет является плодом моей фантазии. Тем не менее отдельные эпизоды взяты из жизни. Так, например, всё, что связано с оккультизмом, в том числе изгнание бесов из дома Наташи, основано на личном опыте...» Б.З.

Категорически не рекомендуется читать слабым в вере христианам и людям с неустойчивой нервной системой.

**Борис Зудерманн**  
**Дом. Оккультно-**  
**криминальная повесть**

© Copyright by Titel-Verlag, 2012, 55743 Idar-Oberstein,  
Germany, [www.titel.ru](http://www.titel.ru)

© Издательство «Титул», 2012

\* \* \*



Николай невольно остановился. Дом показался ему каким-то загадочным и странным. Серая, мрачная погода ещё более усиливала впечатление. Старинный особняк стоял на улице, коих тысячи в небольших городах России, когда-то покрытой асфальтом, но со временем разбитой и разъезженной. Только тротуар был ещё более-менее целым. Вдоль дороги двумя рядами стояли высокие, столь же серые, как и сама улица, тополя. Всё это создавало грустный колорит.

Дом вполне вписывался в общую картину и на полных правах являлся частью окружающей среды. Окна, с давно

уже некрашеными ставнями и рамами, смотрели на окружающий мир угрюмо и подслеповато, как прищуренные глаза старого, сварливого, много пережившего человека. Оконные проемы, заметно перекосившиеся под гнетом времени, были небольшими, ставни обветшали и всем своим видом демонстрировали утерянную надежду быть когда-либо обновлёнными, а стены, в некоторых местах поверх брёвен оббитые некрашеными досками, подчеркивали и без того заброшенный вид строения.

И все же он был другим. При всей гармонии особняка с его окружением выделялся дом на фоне других строений какой-то старинной гордостью, чуть ли не надменностью и чем-то напоминал многократно описанного в романах обнищавшего, но всё ещё чопорного дворянина. Казалось, стоит в него войти, как некая загадочность сразу окружит тебя и начнёт рассказывать свои старинные истории. Какое-то подсознательное чувство подсказывало Николаю, что эти рассказы будут необязательно радостными. «Это, наверное, погода так отрицательно влияет на меня», – решил молодой человек.

Наташа иногда рассказывала мужу об этом доме. Она родилась в нём, и большая часть её жизни прошла здесь. По её рассказам, дому было уже более ста лет, а строил его то ли её прадед, то ли даже прапрадед. Когда-то здание было большим двухэтажным рубленым особняком, стоявшим на крепком фундаменте. Но со временем дом так сильно просел

и врос в грунт, что окна первого этажа оказались на уровне земли. Дед Наташи тогда решил замуровать окна первого этажа, а сам этаж превратить в большой подвал.

С тех пор дом выглядел приземисто и неуклюже. Но только для тех, кто знал его бывшее величие, когда он был выше и стройнее.

Николаю давно было интересно увидеть это старинное строение, но первое впечатление охладило его восторженное ожидание. Видимо, Наташа немного преувеличивала, описывая дом своего детства большим и красивым, а сад просторным и ухоженным.

«Хотя это и понятно, – подумал он, – все мы склонны идеализировать места, где выросли и провели лучшую часть своей жизни. Как знать, может быть, и моя лучшая часть пройдёт в нём?!»

Спереди, со стороны улицы, к дому была пристроена веранда с большими, разделёнными на небольшие секции, окнами. Часть стёкол отсутствовала и была заменена фанерой или же вовсе натянутым целлофаном. Перед домом был небольшой, примерно трёхметровой ширины палисадник, как и всё в этом доме, находившийся в страшном запустении. Процветали только полынь и крапива. Несколько наполовину засохших клёнов возвышались над метровой высоты штакетником. Но и он выглядел убого и дряхло.

«Да, работы с этим домиком будет!.. – подумал про себя Николай. – Денег придётся ухлопать...»

Зато Наташино лицо сияло. Она, несмотря на две тяжёлые сумки, оттягивающие её руки, чуть не вприпрыжку подошла к калитке и широко раскрыла её.

– Коленька, заходи. Пусть нам здесь будет хорошо.

От калитки к крыльцу веранды вела разбитая асфальтовая дорожка. Рядом с ней доцветало несколько осенних запоздалых цветов.

Наташа поднялась на крыльцо и, поставив сумки, нажала кнопку электрического звонка. Звонок оказался необычно громким, его было слышно даже на улице. Обитатели дома – двое стариков – старший брат отца Наташи со своей женой Лидой как могли берегли остатки роскоши особняка. Старик, на глазах которых выросла Наташа, были очень привязаны к ней. Отец Наташи был младшим в семье, а дядя Серёжа – старшим, поэтому по возрасту он мог бы волне сойти для неё за деда.

Дверь открыла тётя Лида.

– Наташенька, да ты ли это?

– Я, тётя Лида, я. А это мой муж, Николай. Прошу любить и жаловать. Как-никак, новый член семьи. А дяди Серёжи что, нету?

– Нету его дома, нету, в магазин пошёл, скоро придёт. – Тётя обняла Наташу, потом повернулась к Николаю. – Здравствуйте, Коля, здравствуйте. Пожалуйста, проходите. Рада познакомиться. Вон вы какой. Наташа писала о вас, только вот увидеться с вами до сих пор не получалось.

Николай заметил, что при всей доброжелательности слов старушка даже не посмотрела ему в лицо. Только украдкой скользнула взглядом по нему и еще на секунду задержав его на чемоданах. Мужчина поставил багаж на пол и протянул тёте руку. Её пожатие было вялым, вернее, вообще никаким, просто протянула руку-лодочку и тут же выдернула её обратно.

Николай попытался осмотреться, но не успел. Наташа открыла одну из двух дверей, соединявших веранду с домом, и затащила Николая в квартиру.

– Вот здесь мы будем жить! – воскликнула она, – тебе нравится?

– Не знаю ещё. Вообще-то, мне с тобой везде хорошо.

Из рассказов супруги Николай знал, что её прародители были богатыми людьми и жили на широкую ногу. Прадед, кажется, был даже царским офицером, героем первой мировой войны. Они с прабабушкой вырастили пятерых детей, но кроме деда и одной сестры все умерли. Некоторые – при загадочных обстоятельствах. Подробностей Наташа не знала. Почему-то никто ничего не рассказывал о её предках. Родители говорили, что ничего не знают, а бабушка, которая умерла, когда Наташе было двенадцать лет, оправдывалась, списывая всё на плохую память. В то же время бабуля иногда выдавала такие подробности из своей жизни, что у Наташи захватывало дух.

После революции и смерти прадедушки, несмотря на

несогласие оставшейся вдовы, в дом начали подселять постояльцев. Протесты хозяйки власть легко подавила, напомнив «буржуйке» о том, что в стране нынче другие порядки и богатым не место в новом обществе. И если хозяйка дома с этим не согласна, то она очень легко и быстро может отправиться вслед за своим расстрелянным мужем. Направленное на неё дуло маузера придавало словам представителя власти убедительности. Вдове ничего не оставалось делать, как молчать.

Незадолго до Второй мировой войны дом в очередной раз перестроили. В нём появились дополнительные перегородки, а к ним добавились и новые постояльцы. Позже, в пятидесятых, дом пережил пожар. Строение удалось спасти, но крыша сильно пострадала, её пришлось перекрывать заново. Воспользовавшись причиной капитальной перестройки, жильцы решили переделать верхний этаж под две небольшие квартиры. Нижний этаж тогда же переоборудовали под подвал. В одной квартире проживала бабушкина сестра с семьёй, а в другой Наташин дедушка с женой и двумя сыновьями – подростком Сергеем и родившимся перед самой войной отцом Наташи, Владимиром. Потом сестра бабушки умерла, а дети разъехались. Тогда опять передвинули несколько стенок, и в одной квартире поселился женившийся к тому времени Серёжа.

Дядя Сергей и тётя Лида оставались бездетными, а у его брата родились дочь Наташа и тремя годами позже сын Алек-

сандр.

Это было всё, что Николай услышал о доме, в котором он собирался теперь жить, и о его обитателях.

Наташа осторожно, как бы на цыпочках, зашла в небольшую прихожую. В полумраке Николай разглядел вешалку, на которой висело какое-то серое тряпье, чуть дальше стоял то ли комод, то ли сундук и еще дальше – обшарпанный холодильник. Из прихожей дверь вела в кухню. Просторная, с двумя большими окнами и красивым тёмным сервантом между ними, комната выглядела просто замечательно. За стёклами серванта просматривалась старинная фарфоровая посуда. Посередине кухни стоял большой стол, а вокруг него несколько подходящих по стилю стульев. По всей видимости вся мебель была знатного происхождения. Над столом висел шикарный абажур. В углу расположилась печь, рядом с ней умывальник.

В какой-то момент со стороны серванта раздалось лёгкое, едва уловимое дребезжание посуды – будто большой грузовик неслышно проехал по улице и сотряс дом. Наташа обернулась к серванту и, как показалось Николаю, несколько растерянно, засмеялась.

– Ну, конечно, это я. Здравствуй, здравствуй.

– Наташа, ты что это с мебелью здороваешься, – удивился Николай, – он у вас что, живой?

– Да нет, это я так. Соскучилась по всему, понимаешь.

Просто с сервантом у нас особые отношения...

Только сейчас Николай заметил, что его руки всё ещё заняты чемоданами, которые он после приветствия с тётей Лидой снова подхватил. Мужчина поставил их на пол поближе к стене и подошёл к жене. Наташа тоже освободилась от сумок и протянула руки навстречу мужу. Они обнялись. Сначала Николай просто зарылся лицом в Наташины волосы, а потом она подняла навстречу ему лицо и их губы слились в страстном поцелуе.

Как же он любил свою жену! Они прожили уже почти два года вместе, но любовь между ними не угасала ни на секунду. Другие молодые пары рассказывали о первых семейных кризисах, некоторые даже успели развестись, а у них всё шло гладко. Даже наоборот. Порой Николаю казалось, что его любовь к жене неудержимо растёт. «Как же я её буду любить через десять, двадцать лет?» – размышлял он порой.

...Познакомились они при довольно забавных обстоятельствах. В тот вечер у него ужасно болела голова, зайти же в аптеку за таблетками не было времени. Обычно между концом работы и началом занятий Николай заскакивал к себе в общежитие, чтобы немного перекусить. Учился молодой человек на последнем курсе вечернего института и почти ежедневно должен был ходить на занятия. Предстояла дипломная работа. Перехватив кусок булки и запив ее прямо из бутылки кефиром, студент взял папку с конспектами

и отправился в институт. Первую пару лекций он практически не слышал. Голова трещала до невозможного. «Надо во время перерыва выйти на улицу – расслабиться, подышать свежим воздухом, не исключено, что поможет», – решил парень. Уходить с занятий не хотелось, преподаватели в преддверии экзаменов давали ценные советы для предстоящей дипломной работы.

В перерыве Николай вышел на большое институтское крыльцо. На улице всюду бушевала весна-проказница, воздух был пропитан первыми запахами цветения, дни становились длиннее. Солнце стало греть заметно сильнее, поэтому в тех местах, где оно по-особому припекало, снег почти совсем растаял. Молодой человек занял место немного в стороне от входной двери, закрыл глаза и попытался дышать как можно глубже.

Звонкий женский голос заставил Николая встрепенуться. – Что такое, молодой человек, на занятия не желаем идти или может быть хворь какая приключилась?

Николай открыл глаза. Перед ним стояла молодая девушка необыкновенной красоты. В чём именно заключалась её красота, парень вначале и сказать бы не смог. Но её улыбка... Улыбалась она только глазами, но он видел, что смех просто рвётся из её глаз наружу. На всём лице девушки будто лежала какая-то смиренная маска, и если бы её кто-то снял, то девушка бы тут же громко и заразительно рассмеялась. Необъяснимое веселье искорками прыгало по её ли-

цу, но усилием воли она умирляла его и старалась смотреть серьёзно. Маленький вздёрнутый носик, красивые, полные, немного навыверт губы и необыкновенной синевы смеющиеся глаза.

Николай растерялся. Он не знал что сказать. Какая-то незнакомая девушка вот так запросто заговаривает с ним. У молодого человека не было никакого опыта знакомств с девушками. Он их всегда стеснялся и даже немного побаивался. Они ему казались какими-то неведомыми, загадочными, непредсказуемыми существами, чуть ли не представителями другой планеты. Единственная женщина, которую он хорошо знал и очень любил, была его мать. Если на студенческих вечеринках девушки заговаривали с ним, он старался казаться весёлым и общительным, но вскоре замечал, что получается это у него неестественно. Если же кто-то из соседей по комнате приводил к себе девушку на ночь, Николай немедленно уходил спать к кому-нибудь из друзей.

Иногда в общежитии устраивались танцы, и Николай, конечно, тоже танцевал с девушками, но вёл он себя при этом неуклюже, сильно потел и был рад, когда, наконец, можно было покинуть вечеринку. Дальше танцев с девушками дело не заходило. Пригласить же какую-то из них на свидание у него просто не хватало мужества.

А тут вдруг перед ним стоит такая красавица и заговаривает с ним сама. С чего бы это? Может быть, хочет посмеяться над ним?

– Да вот стою, дышу свежим воздухом. Перерыв сейчас, – это было всё, что он смог выдать из себя.

«А ведь надо было, наверное, сказать что-то остроумное, чтобы отбить у неё желание смеяться надо мной», – отругал юноша сам себя мысленно.

– Ага, перерыв. А я вот опоздала на первую пару. Послушайте, а с вами всё в порядке? Что-то вы совсем бледный. Молодёжь нынче – слабаки какие-то.

– Да нет, что вы! И вообще, какие слабаки? Коммунизм строим, в космос летаем, – попытался всё же сострить Николай.

– ...Институты заканчиваем, перестройку затеваем, – в тон ему продолжила красавица. – А теперь, серьёзно. По ушам вижу, что голова болит. Таблетку выпил?

– Нет у меня таблетки. В аптеку не успел зайти.

– Правильно делаешь, что не пьёшь таблетки. Они одно лечат, а другое калечат. Хочешь, помогу тебе? Сядь вон на ту скамейку, она, поди, за день прогрелась, а то мне до твоей головы не дотянуться. Рослая нынче молодёжь пошла.

Николай не понял, что эта девушка от него хочет. Пришлось молча подчиниться. Впрочем, было приятно стоять вот так перед ней и любоваться её улыбкой. Приятно, что она вдруг так запросто перешла на «ты». Отказать ей сейчас было бы глупостью. Ведь уйдёт...

– А что ты хочешь делать? Ты что, врач? Учти, я врачей с детства кусаю, так что поосторожней.

– Хм... Кусается он. Не бойся, я не зубной врач. Больно не будет.

Потехи ради Николай сел на скамейку. Перед зданием института их было несколько, и первые лучи весеннего солнца с некоторых из них уже согнали снег. Девушка подошла к нему сзади и стала что-то приговаривать.

– Ты что, колдуешь там, что ли? – поинтересовался Николай.

– У тебя биополе всё в дырах, оттого и головные боли. Но ничего, починим.

– Что? Какое поле?

– Биополе. Ни разу не слышал о таком?

– Нет. А ты на каком факультете? Ботанику у нас вроде бы не проходят. – Мысленно Николай поздравил сам себя, – кажется, остроумно получилось.

– Да ботаника здесь ни при чём. Долго объяснять. Ты просто помолчи и ни о чём не думай. Ладно?

Николай попытался, но «ни-о-чем-не-думать» у него явно не получалось. Боковым зрением он заметил, что девушка водит руками над его головой. Не прикасаясь к нему, она делала движения, будто мыла ему голову. Только намного медленнее.

– А что, колдуньи все такие красивые? – не выдержал, наконец, Николай. «Остричь, так остричь», – решил он.

– Ага, времена нынче другие. Это раньше они были старые, кривые, беззубые, на метлах летали, в лесу в избушках

на курьих ножках жили. А сейчас всё по-другому. Ну ладно, хватит на сегодня. Полегчало немного?

– Ну, как может не полегчать от прикосновений такой красавицы? Чувствую себя как новорожденный.

– Нет, ты мне зубы не заговаривай, я серьёзно. Впрочем, нам пора. Опоздаем на занятия.

– Подожди. Меня зовут Николай, а тебя?

– Меня – Наташа.

– Мы встретимся ещё?

– Не знаю. Может быть. Пока...

Лёгкой походкой девушка впорхнула на крыльцо и скрылась за могучей дверью института. Парень рванул было за ней, но навстречу ему из дверей стали выходить люди, и пока он их пропускал, Наташи простыл и след.

Николай прошёл в лекционный зал и занял своё место. Лекция показалась ему безумно скучной, слушать её вовсе не хотелось. Все его мысли были заняты Наташей.

Ничего себе приключение! Какая красивая девушка. И какая необыкновенная! Никогда ещё такую не встречал. А, может быть, и встречал, только не замечал. Даже голова кружится. Головную боль решила снять. А ведь и в самом деле, вроде бы полегчало. Хотя оно и понятно: знакомый врач говорил ему, что от головной боли помогает шоковая терапия. Что ж, более приятного шока, наверное, не бывает.

По окончании последней лекции Николай бросился к наружной двери. Он хотел застать Наташу, чтобы договориться

с ней о свидании. Но девушки нигде не было. Будто сквозь землю провалилась...

На следующий день молодой человек только и думал что о вчерашней встрече. Работу он делал абы как, спустя рукава. Коллеги по работе не могли не заметить, что некое подобие улыбки постоянно блуждает по его лицу.

– Николай-то наш какой-то странный сегодня. Поди влюбился?

– Да и пора уже! В таком возрасте, а ещё не целованный.

– Николай, а какая она из себя? Познакомишь?

Парень ничего не отвечал, только загадочно улыбался.

Что-то совершенно новое вдруг вторглось в его жизнь и устроило там настоящий круговорот. Неужели он влюбился? Неужели в его жизни появилось то, о чём он давно мечтал и чего с таким нетерпением ждал? Парень много читал об этом в романах, слышал рассказы от друзей, но то, что с ним случилось теперь, превзошло все его ожидания. Николаю казалось, что новое чувство до отказа заполнило его и ищет какого-то выхода, каких-то действий. С одной стороны его распирало желание всем рассказывать о том новом, что со вчерашнего вечера появилось в его жизни, с другой – где-то в глубине подавал голос небольшой страх – а вдруг всё это самообман. Вдруг она просто пошутила с ним вчера, а сегодня, встретив его, пройдёт мимо. Может она со всеми так поступает?

Вечером он решил во что бы то ни стало перебороть врождённую застенчивость и выйти на связь с Наташей. Хотя, что он знал о ней? Единственной зацепкой был институт. Она тоже училась в нём. Но какой курс, какая группа? В этот день у Николая занятий не было, вечер был свободным. Он решил пойти к институту пораньше и попробовать встретиться с девушкой у входа.

После работы, не заходя в общежитие, перекусив по-быстрому в кафе, расположенным недалеко от заводской проходной, Николай направился к институту. Влюбленный студент занял исходную позицию в фойе. Там между входной дверью и гардеробом росли несколько больших фикусов, а за ними в глубине помещения стоял старый изрядно просиженный диван. Сидя на нём, можно было оставаться почти незамеченным, но в то же время видеть каждого, кто проходил от дверей к гардеробу.

Вскоре появились первые студенты. Это были девочки с первых курсов. Первокурсники вообще отличались от остальных студентов. Все они важничали: были при дипломах, одевались так, будто шли в театр, и вообще всем своим видом показывали, что по справедливости должны учиться на дневном отделении, но по причине не зависящих от них обстоятельств оказались вот на вечернем. По ходу учёбы важность куда-то исчезала – дипломаты сменялись потрёпанными портфелями, у парней и вовсе заткнутыми за пояс тетрадками, а внешний вид становился всё более буднич-

ным. Да и состав менялся. Всё меньше оставалось представительниц прекрасного пола. Девушки выходили замуж, рожали детей, многие потом разводились, но учёбу уже не возобновляли...

Николай стал присматриваться – поток становился всё гуще. Наташи всё не было. «А если у неё сегодня тоже свободный вечер и я зря здесь сижу?» – засомневался Николай. Прозвенел звонок. «Может быть, она, как и вчера, придет только на вторую пару?» – продолжал убеждать себя молодой человек, не двигаясь с места. Но началась вторая пара, а девушка так и не появилась.

Николай отправился домой. «Да, собственно, почему я сидел и ждал её? С чего я решил, что ей нужен? Может быть, у неё есть муж или парень, и она всем страдающим от головной боли оказывает такую помощь? Хотя какая это была помощь? Фокус-покус какой-то. Посмеяться решила надо мной. А что голова перестала болеть, так это просто свежий воздух помог или совпадение просто. Не везёт мне в любви и всё».

Но Наташа не выходила у него из головы. Ни ночью, ни весь следующий день. Он постоянно думал о ней, пока вечером счастье, наконец, не улыбнулось ему. Только он переступил порог института, как увидел Наташу. Она стояла немного в стороне и оживлённо с кем-то разговаривала. Николай подождал, пока она закончит, осторожно подошёл к ней и поздоровался. Она протянула ему руку, от тепла и нежности

которой его бросило в жар.

– Здравствуй, Наташа. Рад тебя видеть. Как дела?

– О, привет Коля! Спасибо, нормально, а у тебя? Как голова?

– Да я уже забыл о ней. После такого курса лечения!..

Наташа рассмеялась, потом вдруг стала серьёзной и спросила:

– Нет, ну правда, полегчало тебе?

– Полегчало. Правда! Спасибо. Ты вообще на каком курсе? Что-то я тебя раньше не видел.

– На предпоследнем я, на пятом. А то, что ты меня не видел, так это потому, что я перевелась сюда недавно. Из другого вуза. Да и при таком скоплении народа не мудрено, что не заметил.

– У тебя сегодня много занятий?

– Вообще ничего нет. Девчата с группы только что сказали, что один преподаватель заболел, а другой куда-то уехал, так что зря я тут нарисовалась.

Тут Николаю пришла отчаянная мысль.

– Слушай, у меня сегодня тоже свободный вечер, – соврал он. – Давай пойдём куда-нибудь вместе?

Всё в нём сжалось, а вдруг откажет или более того – высмеет? Этого он не вынесет. Но нет, Наташа не засмеялась, а только улыбнулась. Видимо, догадалась, что он хитрит.

– А что, пожалуй, можно. Чего мне одной в комнате торчать. Девчата всё равно каждая со своим парнем. Куда пой-

дём?

– Может, поужинаем где-нибудь, а потом в кино?

– Вперёд!..

Николай был в облаках от счастья. Встретил её, переборол смущение, и она согласилась пойти с ним. И что самое замечательное – видимо, она одна. Мужа нет, это ясно из того, что живёт в общежитии, а что парня нет – это он понял из её реплики о девчатах, которые «каждая со своим парнем». «Может быть, я слишком серьёзно отношусь к данной ситуации? Может быть, рано её пригласил? Надо было сначала несколько раз просто так поболтать при случайных встречах, поближе познакомиться?» Но нет, Николай гнал эти мысли прочь. Какое-то внутренне чувство подталкивало его идти на всё.

Вечер удался на славу. Сначала ужин в неплохом ресторане, потом кино. Сюжет фильма Николай совершенно не уловил, да и не пытался. Все его мысли были только о Наташе. Он ловил её запах, прислушивался к её голосу, пытался предугадать её эмоции, короче – он был безнадежно влюблён.

Они стали встречаться, и однажды Николай признался девушке в любви. Счастью его не было предела, когда и она ответила ему взаимностью.

Они решили пожениться. Но не сразу, а летом, после того, как Николай защитит диплом. Пока же они занялись по-

иском жилья. Эта проблема оказалась почти непреодолимой. На работе ему показали список очередности получения квартир и объяснили, что в лучшем случае он может рассчитывать на комнату гостиничного типа года через три. У Наташи перспективы оказались ещё хуже, стаж её работы был меньше, а значит ждать ей придётся дольше. Николай встал на очередь, а свободными вечерами они стали ходить по частному сектору и спрашивать, не сдаёт ли кто к лету комнату или времянку.

Николай всё больше узнавал Наташу. Хотя это было больше любованием, чем углублением знакомства. Как человек стеснительный и не шумный, он обладал особым даром молчаливого наблюдателя. Парень давно уже сделал для себя одно важное открытие, он заметил, что каждый человек имеет определённую внутреннюю глубину или многослойность. Одни люди очень поверхностны – их можно узнать за один или несколько вечеров – они или очень болтливы, или настолько поверхностны, что никакой глубины в них и искать не нужно. Другие же наоборот, сколько бы с ними ни общался, всегда открываешь какие-то новые слои – черты характера, склонности, вкусы, способности. Они как матрёшка, разберёшь одну часть, а под ней другая, порой совершенно отличная от предыдущей.

Внутренний мир Наташи казался ему бездонным. Особенно в ней поражало обилие эмоций. Она была абсолютно непредсказуема. Это приводило Николая в восторг. «С ней

никогда не будет скучно», – думал он. Посреди весёлого разговора она могла вдруг внезапно смолкнуть, задумчиво уставиться куда-то в угол или заговорить о чём-то совсем другом. То она вдруг начинала мечтать, уносилась в такие дали, о которых Николай и слыхом ещё не слыхивал. «С ней никуда ездить не надо. Она тебе так разрисует дальние страны, что они будто живые перед тобой предстают»...

Иногда она ни с того ни с сего бралась предсказывать будущее, и получалось у неё это совершенно непринуждённо. «Коля, ты поосторожней завтра переходи улицу после работы, ладно?» Или: «Ты не огорчайся, если начальник на тебя сегодня орать будет, он скоро пожалеет об этом». Или: «Не буду заходить сегодня в магазин за картошкой, всё равно не привезут». Несколько раз он, заходя к ней в общежитие, заставлял её за гаданием на картах. Девчата обычно толпились вокруг стола, и каждая задавала свои вопросы. «Наталья у нас большой специалист по чёрной и белой магии», – шутя, говорили они, когда Николай в очередной раз уводил её из их среды. И что удивительно, предсказания Наташи в основном сбывались.

Николай всё это объяснял её романтической натурой. Нравился ему в эти минуты загадочный блеск её глаз, приглушённость голоса, какая-то недостижимая таинственность. «И это загадочное существо скоро станет моей женой. С ней никогда скучно не будет. Как мне повезло!»

О своей семье Наташа почти ничего не рассказывала. Ро-

дилась она в небольшом провинциальном городишке. Родители её умерли. Брат тоже где-то учится, но с ним у неё почти нет связи. В родном городишке у её родителей был дом, который сейчас стоит полупустым.

Николай успешно защитил диплом и получил звание инженера. Но работать по специальности ему не хотелось – слишком уж мало зарабатывают инженера. В стране началась перестройка, и многие предприятия или уже закрылись, или не знали, что их ожидает завтра. Поэтому Николай спрятал диплом в папку и остался на своей старой работе.

Свадьбу отпраздновали в небольшом кругу в доме родителей Николая. Со стороны Наташи никто не приехал. Брату было некогда, а больше родственников у неё и не оказалось. Хотя в родном городе у неё ещё жили дядя с тётёй, но они, сославшись на плохое здоровье, прислали только красивую поздравительную открытку. «Они добрые, Коля, только так лучше», – извинилась за них Наташа.

Наступили счастливые, супружеские будни. Хотя Николаю они казались не буднями, а сплошным праздником. Проснуться рядом с любимой женщиной, с утра вдыхать её запах, вместе завтракать, потом целый день скучать по ней, затем вместе ужинать, а вечером прогуливаться на свежем воздухе, ходить в кино или сидеть в стороне и наблюдать, как она делает домашние задания... Да хотя бы и просто быть

вместе – что может быть прекрасней?!

Наташа продолжала учёбу на вечернем отделении института. По вечерам, когда её не было дома, Николай занимался хозяйскими делами. Они арендовали небольшую времянку на краю города, и Николай то заготавливал на зиму дрова и уголь, то вытирал пыль и мыл полы, то бегал по магазинам, а потом встречал жену на остановке. Наташе дома почти ничего не оставалось делать. Немалой проблемой стало, правда, большое расстояние между местом работы, Наташиным институтом и домом. Ежедневно у них уходило несколько часов на поездки в городском транспорте.

Чем ближе к защите диплома, тем труднее давалась Наташе учёба. Причина крылась в её психическом состоянии. Стало проявляться совершенно необъяснимое изменение настроения. Безудержная радость могла вдруг смениться в ней беспричинной грустью. Она замыкалась в себе, не реагировала на попытки Николая развлечь её. Вначале такие случаи были довольно редки, но примерно через полгода замужества стали повторяться всё чаще. Николай боялся их и очень переживал за Наташу.

Что он только не придумывал, чтобы развлечь жену: водил её на самые смешные кинокомедии, покупал журналы с пёстрыми обложками, старался во время Наташиных приступов вести себя спокойно и ненавязчиво, при этом всячески показывая ей свою готовность помочь. Иногда его уси-

лия приносили результат, Наташа начинала улыбаться. Но чаще всего ничего не помогало. Она сидела рядом с ним в кино или рассматривала страницы журнала, но с её лица не сходила печать глубокой грусти.

Николай решил сходить с женой к врачу-психиатру. Вначале Наташа категорически отказывалась. «Мне самой надо разобраться в себе», – говорила она. Но после длительных уговоров всё же согласилась. Врач побеседовал с ними, назвал это состояние депрессией, дал несколько добрых советов и выписал лекарство. На некоторое время состояние Наташи улучшилось, потом опять стало хуже. После повторного посещения врача и обстоятельной беседы с ним, решили Наташину дипломную работу отложить на год. Она оформила академический отпуск. Тем не менее легче не становилось.

Николай был в отчаянии. Он не знал, что делать. Мужчина метался от одного врача к другому, спрашивал совета у каждого, кто имел хоть какое-то представление о депрессии или был знаком с людьми, больными депрессией. Каждый из знатоков что-то советовал, но ничто не приносило существенного улучшения.

Ко всему прочему отсутствие собственного жилья вносило свой вклад в удручающее настроение Наташи. Временка, в которой они жили поначалу, оказалась сырой и холодной. Они решили искать другую. Другая оказалась лучше, но ею владели невыносимые хозяева. Николай как-то поймал

их шестнадцатилетнего сына, подглядывающего за молодыми людьми вечером через щели в оконных ставнях. Николай отругал парня за неприличное любопытство, но уже назавтра хозяин устроил скандал. После этого их сын вообще обнаглел. Потом Николай и Наташа поселились в одной комнате большого дома. Хозяин квартиры расселил в каждой комнате по квартиранту, им было тесно: поутру одна очередь стояла в туалет на улице, другая к плите на кухне. Держать же плитку в своей комнате хозяин запрещал. Скопление народа, нервная обстановка на кухне, плохая звукоизоляция между комнатами и, наконец, приставание одного из квартирантов к Наташе ухудшили из без того плохое состояние женщины.

Вот тогда они и решили сменить место жительства. Если у Наташи есть свой дом, то зачем же им скитаться по квартирам? А работу, если не инженером, то мастером, прорабом или, на худой конец, опять слесарем Николай найдёт хоть где. Были бы руки. Так они оказались в Наташином городе, в ее родном доме.

На следующее утро, по прибытии на новое место жительства, Николай решил поближе познакомиться с обстановкой. Кроме уже увиденной прихожей и просторной кухни, которая была одновременно и столовой, им принадлежал ещё зал, маленькая бывшая спальня родителей и ещё меньшая Наташина комната. В ней они и ночевали.

«Ничего себе, квартира, – таким было первое впечатление Николая, – сущий рай после наших временок».

Мебель в комнатах была в основном старая, добротная. Что-то, видимо, принадлежало ещё её прадедам. На окнах висели выдавшие виды, насквозь пропитанные пылью, шторы.

В зале Николай обнаружил замечательный портрет Наташи, писанный маслом. Она была изображена в красивом розовом бальном платье. Собранные в высокую причёску волосы открывали очаровательные плечи, которые не скрывали фасон платья, тонкое кружево и нежно-розовый цвет только подчёркивали свежесть и нежность кожи. Портрет притягивал к себе взор и будил воображение.

– Наташа, а кто это тебя так замечательно изобразил? Выглядишь как живая.

– Да не я это. Это моя прабабушка. Просто я сильно на неё похожа. Не видишь разве, какая это старая картина. Ей в обед сто лет будет. Да и кто уж так одевается сегодня? Она где-то на чердаке валялась, а отец как-то нашёл и решил повесить. Правда, сильно на меня похожа?

– Просто поразительно! – Николай не мог оторвать глаз. – Как нарисовано! Особенно глаза, прямо насквозь пронизывают. А плечи, с ума сойти можно.

– Эй, ты сильно-то моей бабкой не увлекайся, а то я ведь могу и заревновать.

Наташа игриво ткнула мужа кулачком в бок.

– Не бойся, живая ты мне милее. И платье тоже здорово смотрится. Жаль, что сегодня такие платья больше не носят. Прямо как графиня какая-то. Давай будем считать, что это твой портрет? А?

– Давай. Впрочем, мой отец тоже всегда говорил, что на нём изображена я, только взрослой. Он умер, когда мне было всего восемь лет.

Наташины глаза снова наполнились грустью. Она почти никогда не вспоминала об отце, а здесь вдруг заговорила о нём.

– А от чего умер твой отец? – решил спросить Николай.

– От рака, – тихим голосом сказала Наташа. – Страшно мучился. Несколько операций перенес, ничего не помогло. Он меня безумно любил. Да и я его тоже. Думала, умру от горя, когда его не стало. Неделями в школу не ходила...

Николай обнял Наташу за плечи, прижал к себе. Она повернулась к нему и уткнулась лицом в его грудь. Потом дрожащим голосом прошептала:

– Ты мне чем-то его напоминаешь. С самого первого раза, помнишь, на крыльце института? Ты такой же добрый, как он. Такой же большой и сильный, такой же спокойный.

Николай молчал. Он боялся спугнуть откровенность жены. Она и без того редко и неохотно рассказывала о своих родителях. А тут вдруг разоткровенничалась. Может быть, родные стены помогли?

– А как он болел! Сутками напролёт кричал, – продолжи-

ла Наташа тихим, бездонно грустным голосом. – Они его так мучили, а потом убили. Никакие лекарства не помогли.

– Кто его мучил, – не выдержал Николай, – кто убил? Ведь ты же сказала, что он умер от рака?

– Конечно, от рака. Только откуда этот рак взялся? Ты не знаешь? А я знаю.

Наташа резко отстранилась от Николая и присела на диван. Взгляд её устремился в сумеречное пространство за окном. Николай решил сменить тему, хотя она его очень заинтересовала. Его жена опять что-то недоговаривала.

– Наташенька, милая, если тебе тяжело, то не надо вспоминать. Я боюсь, что тебе от этого станет хуже. Давай лучше о чём-то хорошем. О том, например, как мы здесь будем устраивать наше будущее. Я предлагаю позавтракать, а потом ты мне покажешь, где здесь магазины. Заодно купим продукты на обед.

Так они и сделали. Городишко оказался вовсе не таким уж серым, как показалось вчера – может быть, из-за погоды. А сегодня с утра светило солнце. Осенние листья пёстрым ковром покрывали землю. В этом была своя прелесть. Воздух, казалось, разогнал вчерашнюю серость и стал сухим. Дышалось легко. Вчера, когда они добирались с вокзала, он оглядывался по сторонам и пытался хоть в чём-то уловить атмосферу города. Но ничего так понять и не смог – видимо, сказалась усталость от суматохи и от бессонной ночи, проведен-

ной в переполненном вагоне. Сегодня же Николай смотрел по сторонам совершенно другими глазами. Хотя это был типичный город средней полосы России – такая же как и везде архитектура, те же улицы – он все же имел что-то своё, особенное. Что именно – Николай ещё не понял.

Продуктовый магазин оказался совсем рядом, минут пять ходьбы. Остальные магазины были подальше, но и до них можно было дойти пешком. Николай изумился обилию продуктов. В больших городах перестройка уже очистила прилавки магазинов от продуктов, здесь же было сравнительное изобилие.

С двумя полными сумками молодые люди вернулись домой. Во время прогулки Наташа повеселела. Рассказывала занимательные истории из своего детства, показывала достопримечательности родной улицы. Николай внимательно слушал – теперь этот город должен стать и его родным городом.

После обеда решили познакомиться с самим домом и с содержанием мебели. Правда, Наташа на это согласилась очень неохотно, Николаю пришлось её даже уговаривать. В зале стоял диван, два старых, обшарпанных, но подходящих по стилю кресла, красивый старинный книжный шкаф и не менее старинный письменный стол. В углах стояли несколько стульев.

В родительской спальне кроме железной двуспальной кровати расположился старый гардероб, весь забитый роди-

тельской, а может быть и даже прародительской одеждой. Мать почему-то берегла костюмы и рубашки отца. Николай потехи ради надел на себя один пиджак. Он оказался ему в самый раз.

– Наташа, – позвал он жену, – ты права, у меня, в самом деле, габариты как у твоего отца. Посмотри.

Наташа возилась в своей комнате. Увидев Николая, она вдруг сильно побледнела и остановилась как вкопанная. Глаза её наполнились ужасом. Николай ничего не понял.

– Наташа, что с тобой? Ты что, не узнаёшь меня? Я ведь только пиджак твоего отца или кого-то другого надел.

Будто в каком-то трансе Наташа медленно подошла к мужу и тихим, глухим голосом сказала:

– Сними его, и никогда больше так не делай. Ты меня понял? Никогда! Я умоляю тебя! Ради меня и ради себя. Не тронь! Пожалуйста!

Потом она повернулась и так же медленно вышла из спальни. Николай рывком сорвал с себя пиджак, швырнул его в угол и выскочил вслед за Наташей.

– Наташенька, прости меня! Прошу! Я просто не подумал, что так напугаю тебя. Честное слово, я не хотел.

Наташа в это время безудержно рыдала. Николаю кое-как удалось её успокоить.

После такой примерки Николаю расхотелось возиться в шкафах, он решил обследовать хозяйские пристройки и огород. Сарай был, видимо, выстроен давно. По мере надобно-

сти к нему пристраивались другие подсобные помещения. Трудно было установить, где кончалась старая, перевозданная часть сарая и где начиналась новая. Часть сарая была построена из кирпича, часть из досок.

Чего в нём только не было. Запчасти от старого мотоцикла, грабли, лопаты, различный плотницкий и слесарный инструмент, куски труб и шлангов, в одном углу лежали кирпичи, в другом куча угля. Уголь был, скорее всего, заготовлен на зиму, но его Николаю показалось явно мало. Около сарая, под навесом, лежали дрова, тоже заготовленные на зиму, и тоже мало. Когда-то жильцы дома имели, наверное, подсобное хозяйство, потому что часть сарая была пустая, в ней имелись клетки и загоны. Во всём чувствовалось отсутствие хорошего хозяина.

Николай вышел в сад. От сада осталось одно название. Несколько старых неухоженных деревьев, засыхающая трава, поднявшаяся выше колена. Никакого намёка на грядки. Было видно, что в этом саду в течение многих лет ничего не сеялось и не убиралось.

«Надо будет заняться садом вплотную. Территория большая, огурцов и помидоров можно на всю зиму запасти, да и лук и чеснок не мешало бы иметь свой, – рассуждал Николай про себя. – Только работы много будет, пока сорняки выведешь, несколько лет пройдёт. Первым делом, прямо сейчас, пока осенние дожди не начались, надо будет всё перекопать и траву с корнем выдернуть. Благо, лопаты и грабли есть».

Мужчина сходил в сарай, взял лопату и, желая узнать качество земли, воткнул её в землю.

– Молодой человек, что это вы в саду делаете? Выйдите сейчас же!



Николай испуганно обернулся. Из окна, с перекошенным от недовольства лицом, на него смотрела тётушка.

– Тётя Лида, так это же я, Николай. Я просто вышел полюбоваться садом. Может, что сделать в нём до зимы надо

будет...

– Покиньте сейчас же сад и не смейте заходить в него больше! Вы меня поняли, молодой человек?

Николай опешил. Неужели Наташина тётка не приняла его? А, может быть, у неё склероз и она уже забыла, кто он? Или, может быть, плохо видит? Он решил ещё раз заговорить с ней.

– Тётя Лида, вы что, не узнаёте меня? Это же я, Наташин муж. Я же ничего не испорчу здесь. Я только посмотреть вышел. Хочу узнать, какая земля. Может быть, что-то посадить можно. У моих родителей была дача, так я умею обрабатывать землю. Смотрите, сколько её здесь пропадает.

Тётя Лида, ничего не ответив, с силой захлопнула окно.

«Ничего себе, нравы! – подумал Николай. – Ещё ничего не сделал, а тётка уже расшумелась. Это что, её частная собственность? Или, в самом деле, не узнала меня? Пойду, спрошу у Наташи».

Вид у жены был всё ещё задумчивый и печальный. У Николая защемило сердце, но он решил бодрым тоном заговорить с ней, может быть, будничные заботы развеют её печаль.

– Наташа, я что-то ничего не могу понять. Сад, он что, только тёткин или твой тоже?

– А почему ты спрашиваешь? – не поняла Наташа.

– Решил я сейчас немного пройтись по нему, ничего не трогаю, ничего не ломаю, хотел лопатой копнуть и посмотреть, что за земля. Прикидываю, что в саду можно сделать, и

вдруг как гром с ясного неба голос тёти Лиды. Как давай она меня ругать да гнать из сада. Она что, забывчивая? Вела себя так, как будто не узнавала меня. Я ей пытаюсь объяснить, что я ведь теперь свой, а она ни в какую.

Наташа тяжело вздохнула.

– Не обращай внимания на неё, Коля. Она немного со странностями, но я поговорю с ней.

– Ну, а с садом-то что? Можно в нём что-то делать или нет? Посмотри, сколько добра пропадает, можно столько овощей вырастить или хотя бы картошку и лук.

– Сад наш общий. Только в нём ничего не растёт. Когда-то, во время войны, выращивали в нём картошку, но говорят, плохая родилась. Лучше не трогать его.

– Ну почему же не трогать? – не унимался Николай. – У моих родителей тоже был сад, и я знаю, как обрабатывать землю так, чтобы она опять давала урожай. Надо только с осени перекопать землю и выдернуть с корнями сорняки. Кстати, сорняки-то растут, почему не расти картошке или огурцам? По весне завезём навозу, новой земли, и всё будет расти нормально. Сколько денег можно сэкономить на огороде. Ведь иметь что-то своё – это же здорово!

– Не знаю, Коля, сколько я себя помню, никто в нём не работал. Нам даже играть в нём запрещалось. Так что давай как-нибудь потом обсудим этот вопрос с тётёй. – Голос Наташи опять зазвучал тускло. – А пока помоги мне разобраться со шкафами. Надо закончить с этим.

Всё ненужное доставали из переполненных шкафов, заворачивали в старые простыни и Николай относил на чердак, где, впрочем, была та же картина – всё завалено каким-то старьём. Николай, наученный свежим опытом, не стал ничего трогать. Он просто складывал тюки на свободные места.

В очередной раз спускаясь с чердака, мужчина услышал громкие голоса Наташи и тёти Лиды. Говорили о нём, и это заставило его остановиться и прислушаться. Голос Наташи, звучал печально, казалось, что она о чём-то упрасивает свою родственницу.

– Тётя Лида, я прошу тебя, не надо, не втягивай Николая. Не отыгрывайтесь на нём. Ладно? Я тебя очень прошу.

– А я и не втягиваю. Если он суётся куда не положено, то надо его просто предупредить. Что я и сделала. А то как бы чего не вышло.

Голос тёти звучал ехидно и зло.

– Ну что он тебе сделал? Что? Тётя Лида, я прошу тебя, не вмешивайся в моё счастье. Хоть на этот раз оставьте меня в покое. Не хочу я, не хочу возвращаться к старому! Понятно? Всё, кончено, – чуть не плача воскликнула Наташа.

– Хм. Покоя захотелось? Ну, это как он скажет. Я человек маленький. Я что? Я – ничего! Только предупреди мужа, чтобы он был поосторожней и не совался не в своё дело, а то ведь может и случиться что-нибудь. А впрочем, ты сама втягиваешь его. Зачем замуж вышла? Что он мне сделал? Мне-

то ничего, только посмотрим, как он на это среагирует. Ведь сама знаешь, кому обещана?

– Да никому я не обещана, никому. Ты меня слышишь? Ни-ко-му! Оставьте меня с вашей мразью в покое. Я прошу вас, оставьте меня...

– Ты громко-то так не кричи, а то ведь он может услышать.

– Да пусть слышит. Эх, зря мы сюда приехали. Чует моё сердце, что зря. Испортите вы мне жизнь, испортите...

Николай решил войти. Громко кашлянув, он открыл дверь. Навстречу, не глядя на него, прошмыгнула тётя Лида. Она несла в руках охапку чего-то, завернутую в красную тряпку. Из охапки выпирали какие-то угловатые предметы. Николай постарался придать себе вид ничего не слышавшего человека. Наташино лицо было красным и взволнованным. Как только дверь за тётей закрылась, он спросил:

– Наташа, что-то не в порядке?

– Нет, всё нормально, Коля. Не волнуйся. Всё будет хорошо, – чувствовалось, что Наташа пытается придать своему голосу спокойствие.

– А тётя Лида что заходила?

– Забрала некоторые свои вещи. В серванте лежали.

– Вид у неё какой-то недовольный. Странная у тебя тётя.

Николай понял, что его жена уклоняется от разговора. Он не стал настаивать и решил продолжить эту тему в более благоприятное время. Наташа же заговорила о чём-то второстепенном.

Вечером, лёжа в постели, Николай попытался обдумать первый день своего пребывания на новом месте. Вроде бы всё нормально, но с другой стороны какое-то тревожное чувство. Ему постоянно казалось, что с этим домом что-то не в порядке, что за ним постоянно кто-то наблюдает, что кроме них в доме есть ещё кто-то. Особенно он чувствовал присутствие этого невидимого взгляда, когда находился около Наташи.

Вот и сейчас. Она лежала рядом с ним и, видимо, уже заснула. Он чувствовал плечом её тёплое тело, слышал её ровное дыхание. Обычно такое состояние наводило на него чувство покоя и умиротворения. Теперь же, наоборот. Чем больше он прислушивался к дыханию жены, тем тревожней ему становилось.

Вдруг в зале скрипнула половица. Потом ещё раз, и ещё. Николай был не робкого десятка, но тут весь похолодел от страха. Через короткое время ему показалось, что с него исчезло одеяло, затем всё тело покрылось холодной дрожью. Скрип становился равномерным и явно походил на чьи-то шаги. Николай приподнял голову. Шаги стихли. Но как только он опустил голову на подушку, опять раздался равномерный скрип половиц.

Николай протянул руку к лампе, стоявшей рядом на тумбочке, нащупал выключатель и нажал на него. Свет не загорелся. Он нажал ещё раз, но результат оказался тем же. Ни-

колай стал лихорадочно давить на кнопку выключателя, но свет не зажигался. Вдруг чувство какого-то первобытного, животного, всё парализующего страха наполнило его всего. Он хотел было закричать, но из его глотки вырвался только нечленораздельный хрип. Гонимый страхом, Николай приподнял голову, чтобы в слабом свете луны увидеть лампу, но тут обратил внимание на дыхание Наташи. Оно стало резким и тревожным. Прислушиваясь к скрипу половиц в зале и борясь с лампой, он не заметил, как состояние его жены изменилось. Дыхание из равномерного превратилось в тревожное, почти в стон. Николай взял жену за плечо и слегка потряс. Наташа спала тревожно, но крепко. Тогда Николай, заставив себя перебороть страх, решительно встал и включил большой свет. Одновременно с верхним светом зажглась и настольная лампа.

Наташа лежала вся красная. Она продолжала стонать. Теперь это был не просто стон, а почти крик. Лицо её было до неузнаваемости искажено. Николай принялся трясти ее за плечи.

– Наташа, проснись. Ты что, тебе плохо? Наташенька, милая, что с тобой? Ну, проснись же, слышишь...

Николай, чуть не плача, пытался вырвать жену из объятий тревожного сна. При этом он покрывал её лицо поцелуями.

Наташа просыпалась медленно. Всё тело её мелко дрожало. Лицо было искажено каким-то страхом.

– Наташенька, что с тобой? Тебе что-то приснилось? Ты

так тревожно дышала, тебе что-то плохое снилось?

– Да, приснилось. Он мне приснился. Как будто зашёл в дверь и хотел на меня наброситься.

Голос Наташи звучал тихо, едва слышно.

– Кто, он? Наташа, кто тебе приснился?

– Ох, Коля, страшно мне.

Молодая женщина тяжело вздохнула и провела ладонью по красивому лицу. Теперь, наконец, она полностью проснулась и всем телом прижалась к Николаю. Лицом зарылась в его грудь. Её ночная рубашка прилипла к мокрому от пота телу, хотя в комнате было совсем не жарко. Николай взял одеяло и укутал в него жену, ему показалось, что Наташа ищет у него от кого-то защиты.

– Наташа! Что-то здесь не то. Кто тебе приснился? Я ничего не могу понять, но нутром чувствую, что здесь что-то не в порядке. Ты кого-то боишься. Ну, скажи же мне, в чём дело? Я должен знать, что с тобой происходит.

Наташа замотала головой.

– Нет, не могу.

– Но почему? – Николай повернул лицо жены к себе, – почему, Наташа? Значит, ты подтверждаешь, что здесь что-то есть, только не хочешь мне сказать? Я правильно тебя понял?

– Ничего здесь нет, – было заметно, что Наташа пытается успокоиться и придать своему голосу твёрдость. Но ей это не удавалось, голос звучал тихо и вяло. – Ничего. Понял?

Просто первое время на новом месте мне всегда как-то не так спится. А теперь выключай свет и спать.

– Но Наташенька, я ведь тоже что-то слышал, я слышал явные шаги. Как будто здесь кто-то был. Ты что-то скрываешь от меня. Миленькая моя, ну, скажи мне, в чём дело!

– Коленька, не надо, пожалуйста. Дом годами стоял пустым, вот в нём всё и поскрипывает. Всё будет хорошо... я всё улажу, защищу тебя... обещаю. Только не уходи от меня, ладно?

Наташа прижалась к мужу, и он опять почувствовал, как всё её тело мелко дрожит. Он прилёг и прижал жену к себе. Со временем дыхание Наташи стало равномерней, дрожь прекратилась. Николай осторожно встал и выключил большой свет. Стоявшая около кровати лампа продолжала гореть.

«Ну и пусть», – подумал Николай.

О сне не могло быть и речи. Наташа вскоре вроде бы уснула. Но Николай ни на секунду не отрывал своего внимания от дыхания жены. До самого утра.

С первыми петухами Николаю удалось ненадолго провалиться в сон, но как только Наташа зашевелилась, он моментально проснулся.

– Как ты себя чувствуешь, милая? У тебя ничего не болит?

– Всё хорошо, Коля. Посмотри, какая хорошая погода на улице. Прямо прелесть. Пойдём, погуляем после завтрака?

Николай встал. Голова его гудела, тело казалось неподъемным. После завтрака молодые люди пошли в магазин. Наташа вела себя как всегда. Только иногда проскальзывало в её поведении что-то новое, непонятное. А может быть, Николаю просто показалось.

После ночного кошмара он совершенно не замечал, что происходит вокруг, только внимательней старался наблюдать за женой. Он знал симптомы её депрессий, но это было что-то абсолютно новое. Может быть, это какое-то новое психическое заболевание? Или смена обстановки повлияла на неё таким образом? Может быть, всё уляжется?

Один плакат привлёк внимание Николая:

*Известный экстрасенс  
международного класса снимает  
заговоры, сглазы, лечит от  
наркомании, алкоголизма,  
психических заболеваний.*

Были указаны адрес и часы приёма. Такие объявления стали в последнее время всё чаще появляться на заборах городов и сёл страны.

– Наташа, давай сходим к нему. Может, поможет тебе? Ведь попыток – не убыток.

Наташа нехотя согласилась.

Экстрасенс принимал в помещении старого клуба. Очередь к нему была огромной, но продвигалась довольно быстро. Через дверь, открывающуюся время от времени, Николай увидел, как экстрасенс, проводя руками над головой некоторых посетителей, что-то бормотал себе под нос. «Биополе вправляет», – пояснил сидящий рядом с ним пожилой мужчина, по-видимому, знаток. Большинству же пациентов экстрасенс назначал коллективный сеанс и велел прийти послезавтра под вечер.

Подошла очередь Наташи и Николая. Экстрасенс вначале небрежно глянул в их сторону. Когда же Николай начал рассказывать о болезни жены, целитель стал слушать внимательней. Потом посмотрел Наташе в глаза, изучил линии ладони и попросил её выйти.

– Ваша жена замешана в большом деле. Очень большие силы в ней. Мне это не под силу. Ничем не могу помочь. Они могут перейти на меня, а мне своих хватает. Ваша жена сама не лечит?

– Как лечит? – не понял Николай.

– Ну, она не гадает, никому биополе не вправляет?

– Да когда-то мне что-то такое делала. А так я больше ничего не замечал. Вот только депрессии её замучили.

– Депрессии, это не самое главное. Сильный дух на неё руку положил. Оч-чень сильный! Что-то у неё в родне было или даже по сей день есть. Берегитесь его. Бер-ре-ги-тесь,

молодой человек! Как бы этот дух до вас не добрался. Погубит он вас. Это очень опасно. Я вас предупредил.

Последние слова экстрасенса произнёс, загадочно приподняв палец. Затем резко, почти агрессивно добавил:

– А теперь идите и не мешайте мне работать. Ваша жена мне мешает. И никогда больше не приходите ко мне. Вы слышите? Ни-ког-да!

Николай ничего не понял и хотел было попросить объяснения, но экстрасенс только замахал на него руками и чуть не насильно вытолкал за дверь.

– Что он тебе сказал? – поинтересовалась Наташа, когда они вышли на улицу. Николай так опешил от только что услышанного, что просто не знал, что сказать жене. Во всяком случае, слова экстрасенса заставили его задуматься.

– Да много всякого разного говорил, только я, честно говоря, ничего не понял. Какую-то ерунду плёл. В каком-то сильном деле ты замешана, говорит, и какие-то большие силы в тебе. И меня о чём-то предупреждал.

Домой они шли молча.

Немного обустроившись на новом месте, молодожены подались на поиски работы. Николаю повезло сразу, уже во второй организации ему предложили место контролёра. Работа была не совсем по специальности, но всё же лучше, чем ничего.

Одно, правда, его удивило. Когда он протянул начальни-

ку отдела кадров заполненную анкету, тот почему-то остановился на строке адреса и поднял на Николая удивлённые глаза.

– Вы действительно там живёте?

– Да, это дом моей жены. А что?

– Да нет, ничего, я просто так. Слышал кое-что об этом доме, – пробормотал начальник, опять склонившись над анкетой.

Наташа же обошла несколько предприятий, но везде или получала отказ сразу, или слышала просьбу подойти в другой раз.

Работу Николай получил не особенно денежную, но с другой стороны и не пыльную. Многие предприятия не вписывались в новую экономику и работали кое-как. Так что приходилось радоваться хоть какой-то работе. Некоторые его друзья по институту работали даже в ресторанах официантами. Места не денежные, но зато хлебные. Со временем Николай рассчитывал найти что-нибудь получше.

Однажды Наташа преподнесла мужу сюрприз. Несколько раз, приходя с работы, он заставлял её с загадочной улыбкой на лице. Если он её спрашивал, чем она сегодня занималась, женщина уклончиво отвечала, что потом расскажет. Он замечал на её руках следы какой-то краски, но вместо ответа на вопрос что это такое, она спешно прятала руки за спиной.

Придя на этот раз с работы, он обнаружил в зале завешен-

ный старой скатертью мольберт. Наташа попросила его закрыть глаза, и когда он их открыл, то увидел на мольберте красивый пейзаж.

– Наташенька, откуда у тебя такая красота? – не понял в первый момент Николай.

– А ты попробуй догадаться.

– Неужели ты нарисовала?

– Ну да!

– Вот это да! Как здорово!

Он подхватил жену на руки и начал покрывать её лицо поцелуями.

– Почему ты не сказала мне, что умеешь рисовать? Вот это сюрприз! Ну, ты молодец! А красиво-то как!

Наташа была вне себя от счастья.

– Раньше я часто рисовала, а потом было негде, да и некогда. Теперь вот решила потряхнуть стариной. Вроде бы получилось. Правда? – Счастливая улыбка сияла на её лице.

– Наташенька, милая, ну ты просто молодец. Нет, я открываю в тебе всё больше и больше талантов. Ты ещё много всякого разного умеешь? – поинтересовался в шутку Николай.

– Поживём – увидим, – отшутилась жена.

Картину тут же повесили в зале на самом видном месте, а Николай передвинул одно кресло так, чтобы, сидя в нём, можно было любоваться ею.

– Буду рисовать картины и продавать, – решила Наташа.

– Никаких продавать, сначала обвесим все стены кварти-

ры. А потом начнём собирать наследство нашим детям. Ну и если что останется, то, может быть, и будем продавать. Хотя до этого ещё далеко.

Николаю казалось, что новое занятие жены пошло ей на пользу. Особенно она чувствовала себя хорошо, когда рисовала пейзажи. В поисках мотивов Наташа часами гуляла по окрестностям, и Николай видел, что это её успокаивало. Они вместе искали красивые места, и эти прогулки явно помогали молодой женщине. Теперь она уже не прятала свои работы, и он мог видеть, как рождаются новые картины. Сидя немного в стороне, Николай мог часами наблюдать за женой. Он любовался её красотой, наблюдал за её лицом – оно отражало всю палитру внутренних переживаний Наташи. То оно расплывалось в счастливой улыбке, это когда у неё что-то получалось, то становилось серьёзным, а иногда выражало и отчаяние. Пейзажи получались разные, то солнечные и весёлые, то мрачные и навевающие тоску. Видимо, они отражали Наташино настроение. Иногда она успевала написать за неделю две работы, иногда не получалось ни одной.

Когда набралось десятка полтора картин, Наташа решила поехать в областной город и попытаться что-то продать. Дядя Серёжа поехал с ней, нужно было ей помочь. Вернулись оба вне себя от радости – все картины разошлись. К ним даже подошёл один искусствовед, во всяком случае, так он себя назвал, и, похвалив работы, отметил элементы мистициз-

ма. «Это сейчас модно», – сказал он.

Когда дядя Серёжа процитировал искусствоведа, Николай поймал укоризненный взгляд, которым Наташа посмотрела на родственника. Ей явно это не понравилось.

– А что такое мистицизм? – поинтересовался Николай.

Дядя смутился, бросил взгляд на Наташу и, ничего не сказав, спешно ретировался.

Однажды утром Николай пришёл на работу, но начальство попросило его выйти во вторую смену. Вернувшись, таким образом, во внеурочный час домой, он обнаружил Наташу опять за мольбертом. Только на этот раз рядом с ней стояла тётя Лида. Она что-то громко говорила Наташе. Мужчине показалось, что она её в чём-то поправляет или убеждает. Увидев Николая, обе очень смутились. Тётя Лида быстро сняла картину и, стараясь держать её тыльной стороной к нему, прошмыгнула мимо.

– Что-то красивое получается?

– А почему ты не на работе? – не отвечая на его вопрос, спросила Наташа.

– Да попросили выйти во вторую смену, так что день свободный оказался. Чем займёмся?

– Да, право и не знаю. А ты что предлагаешь?

– Может быть, пойдём на природу и ты порисуешь? Погода вроде ничего.

Он посмотрел на жену, но та неопределённо пожала пле-

чами.

– Слушай, а всё-таки, что ты там рисовала? Опять какой-нибудь сюрприз?

Реакция Наташи изумила его, она густо покраснела и, опустив голову, ничего не ответила. Николаю почему-то показалось, что она сейчас заплачет. Он подошёл к ней, сел на корточки и заглянул ей в лицо.

– Наташа, тебе нехорошо? Мне кажется, что с тобой опять что-то не в порядке. Или я ошибаюсь?

Наташа посмотрела ему в глаза, попыталась улыбнуться. Но улыбка получилась какая-то вымученная, виноватая.

– Коля, не надо, всё в порядке. Не надо, успокойся. Может быть, когда-нибудь я тебе всё расскажу, только не сейчас. Ладно? Потерпи немного, может быть всё само пройдет.

– Наташа, но я же вижу, что тебе плохо, и я хочу знать правду. Не хочу я больше терпеть, понимаешь? Ты иногда какая-то не своя. Я же твой муж и имею право знать, что с тобой происходит. Прямо какая-то игра в прятки получается. Тебя что-то мучает? Тебе кто-то угрожает?

При последних словах Наташа вздрогнула.

– Коля, пожалуйста, не спрашивай меня ни о чём, ладно? Давай пойдём лучше погуляем и заодно сходим в магазин, кое-какие продукты надо купить...

– Тебе хорошо?

Наташа еле заметно кивнула головой. Они только что пе-

режили близость и теперь лежали в постели, тесно прижавшись друг к другу. Николай слышал дыхание жены, вдыхал её запах и опять, как уже сотни раз, благодарил судьбу или Бога, или кто-его-знает-кого, за свою жену. Одной рукой он прижимал её к себе, а другой гладил. Так он мог лежать очень долго. Иногда он что-то спрашивал, она отвечала.

Неожиданно он почувствовал, что по телу жены пробежала дрожь. Как будто какая-то волна прокатилась по ней и заставила её напрячься. В первый момент Николай не придал этому значения, может быть какое-то неприятное воспоминание из прошедшего дня или услышанные шорохи испугали Наташу. Он тесней прижал её к себе и провёл рукой по её спине. Но напряжение не спадало, и ему показалось, что Наташа начала мелко дрожать. Неужели с ней опять что-то не в порядке? Неужели опять какое-то наваждение? Николай, сам того не осознавая, начал бояться этих непонятных изменений в поведении жены.

– Наташа, что с тобой? Тебе нехорошо? Может, попить принести или окно открыть?

Наташа ничего не ответила и, как показалось Николаю, немного успокоилась.

– Наташенька, милая, успокойся, всё будет хорошо. Давай спать. Расслабься и спи. Не думай ни о чём.

Но в ответ Наташа вдруг начала прерывисто и глубоко дышать. Она откинула руку Николая и села. Николай тоже хотел было подняться, но Наташа положила свою руку на его

грудную клетку и неожиданно сильно прижала его. Её дыхание становилось всё более интенсивным, и Николаю показалось, что это не просто дыхание, а какой-то сдавленный хрип. Сначала медленно, но потом всё сильнее она начала качать головой. Её волосы взлетали в воздух и падали то на лицо, то на спину.

Николай совершенно растерялся. Невольный страх опять, как уже несколько раз в последнее время, начал неприятной прохладой наполнять его внутренность. Что тут опять происходит? Что с его женой? Такого с ней ещё не было. У Николая появилось непреодолимое желание выскочить из постели и броситься куда глаза глядят. Но что с Наташей? Не может же он бросить её на произвол этого... Только чего или кого «этого»?

Сильная боль пронзила Николая. Наташина рука вдруг опять с огромной силой надавила на его грудь. Он взял её руку и попытался освободиться, но у него ничего не получилось. Это была не Наташина рука, а чья-то чужая, твёрдая и невероятно сильная.

Вдруг Наташа повернулась к нему, и он ужаснулся её виду. Громкое хриплое рычание исходило из её уст, глаза сверкали неестественным светом. Она медленно приподнялась и теперь уже обеими руками упёрлась в Николая. Он хотел что-то сказать, но не смог выдавить ни звука. Тогда он попытался вывернуться из-под этих рук, но и этого не получилось. Всё его тело было как бы парализовано от страха.

«Бежать, бежать» – билась в его сознании единственная мысль. На какое-то мгновение Наташа вдруг резко выпрямилась, так что давление на грудную клетку немного ослабло и он смог прохрипеть.

– Наташенька, не надо!

– Надо, ещё как надо, – прохрипела Наташа.

Это был не её голос. Голос принадлежал явно другому человеку. Освещённое через окно светом уличного фонаря лицо Наташи изменилось до неузнаваемости. Это было даже не её лицо, а лицо какого-то старого человека, почти даже мужское лицо. Она наклонилась вперёд и лицо начало приближаться к нему.

– Надо, ты отнимаешь её у меня, надо! – зло прорычало лицо мужским голосом.

Рычание становилось всё громче. Николай предпринял ещё одну отчаянную попытку освободиться, но понял, что ничего не получится. Его поразила какой-то запах, неприятно кольнувший в ноздри. До этого он настолько был захвачен происходящим, что не замечал его. Этот запах исходил изо рта Наташи. Это было что-то совершенно новое, ведь он знал все запахи жены, это же был резкий запах серы. Рот Наташи или кто бы это сейчас ни был, широко раскрылся и из него вышло зловещее рычание и невероятное зловоние. Это было что-то неестественное, что-то звероподобное. Глаза её светились пульсирующим красным светом. Страшная боль пронизывала не только грудную клетку, но теперь уже и всё

тело Николая. Он попытался взять жену за талию и отодвинуть, но и эта попытка не увенчалась успехом. Тело жены было абсолютно твёрдым и неестественно холодным.

– На...та...ша... что... это?

Новая волна боли и страха пронзила его тело. Николаю стало трудно дышать, и он потерял сознание.



Просыпался он трудно и долго. Всё тело неистово болело.

Он попытался вспомнить причину этой боли, но память восстанавливала прошедшее событие очень неохотно. Какое-то рычание, зловоние, какая-то неистовая сила.

Было уже светло. Жены рядом не было. Была суббота, и, видимо, она дала ему подольше поспать.

Николай сбросил с себя одеяло и медленно встал. Боль с такой силой набросилась на него, что он невольно сморщился и застонал. Что это было? Он надел пижаму и вышел на кухню. Наташа возилась у плиты.

– Наташа, что это было вчера? У меня всё страшно болит. Никогда такого не было.

Жена повернулась к нему. В её взоре он увидел глубокую печаль. Не говоря ни слова, она вытерла руки, подошла к нему и положила свою голову ему на грудь.

– Это я виновата. Прости меня. Коленька, почему ты мне попался на пути? Нельзя мне было брать тебя. Нельзя было! Прости, пожалуйста.

– Наташа, я ничего не понимаю. Что это такое? Ты была какая-то чужая, и даже совсем не ты. Говорю не в упрёк тебе, вижу, что и тебе плохо было?

– Коленька, – еле слышно прошептала Наташа, – мне было плохо, очень плохо. Давай уедем отсюда. А?

– Что значит уедем? Это не выход. Да и куда нам ехать? Некуда. Сама знаешь. Надо разобраться в причине проблемы. С тобой что-то не так. Мне кажется, что ты что-то от меня скрываешь, здесь что-то не в порядке. Вчера ты была явно

не в себе, с тобой происходило что-то страшное, совершенно неестественное. Наташа, хоть я и не трусливый, но мне становится страшно, и пока ты мне не скажешь, что с тобой происходит, я не успокоюсь.

Наташа молча кивнула.

– Это была не я.

– Как не ты? А кто же, кто? Это было что-то кошмарное, будто кто-то другой в тебя вселился. Это же невозможно! Надо что-то делать. Я не хочу, чтобы это ещё раз повторилось. Ну, давай пойдём к врачу. Или поедем к какому-нибудь профессору. А? Ну, нельзя же так дальше жить. Нельзя!

Николай взял жену за плечи, немного отстранил и попытался посмотреть ей в глаза. Но Наташа ещё ниже опустила голову. Вдруг со стороны серванта раздалось еле слышное позвякивание посуды. Наташа украдкой повернула в его сторону голову, и Николай почувствовал, как её тело сразу напряглось.

– Что это?

– Что?

– Ну, сервант?

– А что, сервант?

– Наташа, не води меня за нос. Время от времени он почему-то безо всякой причины звенит, и ты каждый раз на это реагируешь. Ведь что-то здесь не так. С мёртвыми предметами никто не разговаривает. Я хочу знать правду. Хватит, понимаешь, хватит!

– Ну, подумаешь, звякнула посуда, – еле слышно прошептала она в ответ. – Может быть, машина проехала или ещё что.

Николай никакой машины не слышал. Но в голосе Наташи он услышал не только бездонную печаль, но и фальшь, и понял, что ничего не добьётся. Воспоминания о происшедшем накануне не давали ему покоя и наводили ужас.

Николай решил поговорить с дядей Сергеем. Может быть, от него можно добиться какой-нибудь ясности.

Спустя несколько дней, когда тётя Лида ушла в магазин, а Наташа прилегла отдохнуть, он осторожно постучал в соседскую дверь. Дядя Сергей сидел в кухне за столом, перед ним стояла бутылка водки, наполовину наполненный стакан, несколько кусков хлеба и разрезанная луковица.

– Здравствуйте, дядь Серёжа, можно войти?

– Заходи, Коля, заходи. Садись вот и давай, выпей со мной.

Дядя был уже явно навеселе. Он встал и освободил заваленный каким-то тряпьём стул.

– Ты, Коля, вовремя пришёл, вот выпить не с кем. Понимаешь? Лидка ушла в магазин и кто его знает, когда придет, а у меня душа истомилась и утешения просит. Только вот закуски путевой нет, ты уж извини.

Он достал ещё один стакан и, наполнив его водкой, придвинул к Николаю.

– Дядь Серёжа, спасибо вам, конечно, но я вообще-то не пью. Просто зашёл поговорить про жизнь.

Дядя Сергей на минуту застыл, потом наклонился к Николаю и заговорщицки произнёс:

– Ты, паря, учти, настоящие мужики всегда пьют. Это, во-первых. – Он загнул один палец, – а во-вторых, – дядя Сергей загнул второй палец, потом настороженно оглянулся, – в этой семейке не пить ну просто нельзя. Ты меня понимаешь? Хотя без Лидки я никогда не пью, почти никогда. Она не разрешает. Только с ней.

– Дядька зло ухмыльнулся, – блин, боится, что разболтаю чего-нить по пьянке.

Дядя Сергей сел на стул, потом вдруг ударил себя кулаком в грудь.

– Коля, вот как родственнику говорю тебе, как другу, сопьешься ты в этом доме, сопьешься или крыша поедет. Думаешь, я всегда такой был? Э-эх!..

«Ну, всё, – подумал Николай, – сейчас начнётся пьяная болтовня и не выберешься отсюда».

Таким он дядю Сергея ещё не видел. Обычно спокойный и молчаливый, иногда со спрятанной в глубине лица насмешкой, он жил как бы в тени своей властной и всегда чем-то недовольной жены. Из него трудно было вытянуть лишнее слово. В присутствии супруги на его лице постоянно блуждала виноватая улыбка, а если он что-то говорил, то всегда оглядывался на неё. Теперь же его будто прорвало.

– Раньше я, бывало, как что скажу, так всё, все молчат. А теперь? – Дядька махнул рукой, потом опять ударил себя кулаком в грудь, отхлебнул водки. – Ты, Коля, чего не пьёшь-то? Ты пей, пей.

«Только этого мне ещё и не хватало, чтобы он полез выяснять отношения, уважаю я его или нет».

Николай начал было соображать, как ему выбраться из данной ситуации, как его осенила простая мысль. «А народ ведь не зря говорит: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Может быть, воспользоваться ситуацией?»

– Я, Коля, когда-то был большим человеком, работал на стройке прорабом. Если что надо было достать, мне это было раз плюнуть. А теперь, вот видишь, – он повёл взором по скудно обставленной кухне. – И ты знаешь, кто во всём виноват? – Дядя Сергей приподнялся со стула, приблизился к Николаю и прошептал, – Он, гад, виноват, он! Убил бы его, если бы он не был уже мёртвым. Понял?

Он снова опустился на стул и до дна осушил стакан. Потом поставил его на стол и налил ещё водки.

– Не понял, дядя Серёжа, про кого это вы?

– Про кого? А про того, которого Наташкин прадед когда-то кокнул здесь. Понимаешь? Он фраером оказался, прихлестнул за женой прадеда, ну тот его и порешил. А потом в огороде закопал. Так вот он, оказывается, того, жив остался. В Наташкином серванте живёт. Ты понял?

У Николая захватило дыхание. Дьявольщина какая-то! В

их серванте живёт какой-то покойник?

– Нет, не понял. Ведь это же было, кто знает когда, чуть ли не до революции. Как же он может до сих пор жить? Да ещё в серванте?

– Тут, паря, такое дело. Не то чтобы он сам живёт, нет, он сам давно уже сгнил. Это его дух живёт и пакостит. Ты Лидку спроси, она тебе всё толком объяснит, она в этом деле спец. А я только так, на подхвате. Хотя, ничего она тебе не скажет, всё это тайна, – дядя Сергей поднял указательный палец и попытался сделать важное лицо, – страшная тайна!

Дядька замолчал, расслабился, икнул и как будто о чём-то задумался. Потом вздохнул и продолжил хриплым голосом.

– Угробят они тебя, Коля, угробят. Меня вот угробили и тебя угробят. Говорю тебе, как мужик мужику – тикай отсюда, тикай, пока жив.

– А кто это, они? – решил поинтересоваться Николай.

– Да Лидка и вся её кодла, во главе с этим покойничком. Как соберутся, так и начинается. Да и меня в свою компанию было затащили. Раньше я ни слухом, ни духом, а теперь вот каждый раз должен быть там. Присутствовать! Хотя я увиливаю, то голова болит, то нога. Эх, паря, зря ты связался с этой нечистью, зря.

Старик махнул рукой и опять приложился к стакану.

Николай был ошарашен, не поверил ни одному слову из того, что говорил дядя Сергей. Чтобы в их серванте жил какой-то покойник? Которого убил Наташин прадед, офицер

царской армии? Бред сплошной! Такого же не бывает! Или бывает? Ведь что-то же происходит вокруг! И это «что-то» разрушает его счастье и делает несчастной его любимую Наташу. Надо будет обязательно заглянуть в этот сервант.

– Дядя Сергей, а вы этого покойника сами-то видели?

– Я? Да ты что, Коля? Я его боюсь, как смерти. Не-е-е. Я нет. Вот Лидка моя, так та всё время с ним якшается. Всё людям его волю талдычит.

– Каким людям, – поинтересовался Николай.

– Ну, каким, каким? Своей кодле. Вот соберутся, и она им всё объясняет. Она, видите ли, грамотная в этом вопросе. Соображает! Главной жрицей называет себя...

Дядя Сергей опять выразительно поднял указательный палец, хмыкнул, потом подпёр голову рукой и вроде бы задумался.

– Хотя какая она жрица. Ведьма она, ведьма! – Дядя Серёжа выпрямился и чуть ли не закричал. – Меня она угробила, Наташку угробила и тебя угробит. Вот попомнишь мои слова, вспомнишь.

– А как она Наташу угробила? Ведь Наташа вроде бы жива и относительно здорова? – Николай почувствовал, что начинает подбираться к тайне поведения жены.

– А вот так вот и угробила. Затянула её в эту кодлу. Наследница ей, видите ли нужна. Кто-то должен всё это продолжить. Покойничек ей велел.

– И как она это сделала?

Дядя Сергей вдруг замолчал и поднял голову.

– Коль, а об чём мы это здесь с тобой толкуем? А? Убьёт же она меня. С посторонними об этом говорить нельзя. Понимаешь? Никому! Ка-те-го-ри-чес-ки! Тайна это, военная тайна. Посторонним вход запрещён! Всё! Хотя, какой ты посторонний. Поселился в этой хате. На Наташке вот женился.

Старик махнул рукой, подлил в стакан ещё водки и залпом выпил. Николай посмотрел на свой стакан – тот всё ещё был нетронутым. От полученной информации у него явно кружилась голова. «Эх, была, не была. В этом доме, кажется, без выпивки действительно не обойтись», – он одним махом выпил водку и закусил половинкой луковицы.

– Дядь Серёжа, ну а избавиться от этого как-нибудь можно? Вы понимаете, я ведь тоже уже что-то уловил, по ночам что-то стучит, ходит, Наташа порой какая-то не своя.

Дядя Сергей замахал руками.

– Да ты чё, Коля, забудь. Он такой сильный, такой... о-о-о... – у дядьки явно не хватало слов.

Потом он опять приподнялся, придвинулся к Николаю и зашептал:

– Никому это еще не удавалось, никому. Понял? Наташкин отец пробовал, так он его... того, порешил. Был мужик и не стало. Понял? А какой мужик был, м-м-м, я тебе скажу...

Вдруг он прислушался и его хмель как ветром сдуло.

– Коля, беги. Лидка идёт. Ой, блин, чё будет, замочит же она меня! Она ж мне запретила разговаривать с тобой. Беги,

беги...

Дядя Сережа, чуть ли не взашей, вытолкал Николая. Едва тот успел закрыть за собой дверь, прибежав на свою половину дома, как услышал шаги тёти Лиды.

«Ничего себе, вот это да! – удивлённо подумал он, – Как же это он её услышал, ведь она шла совсем молча. Чудеса, да и только».

Хмель, который начал было подкрадываться к голове Николая, мгновенно выветрился. Он сел за стол и задумался. Что с этим домом что-то не в порядке, это факт. А может быть, это что-то с его обитателями не того? Но тогда он-то здесь при чём? Он совершенно здоровый мужик, но и ему уже какая-то чертовщина начинает мерещиться. Может быть, у него тоже уже это... крыша того?..

На пороге из спальни появилась Наташа. Она подошла к Николаю, села к нему на колени, обняла за шею, зарылась лицом в его волосы. В Николае появилось желание грубо оттолкнуть жену, заставить её наконец-то осознать, что из-за её непонятного поведения рушится их жизнь. Он во что бы то ни стало хотел заставить её заговорить.

На его шее появилось что-то тёплое и мокрое. Николай догадался, что это были её слёзы. Пересилив себя, он обнял жену и прижал к себе. Её тело мелко подрагивало.

– Наташенька, ну давай поговорим начистоту. Ведь нам же плохо. Что-то непонятное, страшное происходит с нами.

И опять скрипнула половица. Николай почувствовал, как

тело жены напряглось и замерло.

– Когда ты отдыхала, я побеседовал с дядей Сергеем. Он был выпивший и кое-что мне рассказал.

Услышав это, Наташа резко выпрямилась и повернулась к мужу. Её глаза округлились, и она явно хотела что-то сказать, но Николай закрыл ей ладонью рот.

– Наташа, пожалуйста, не перебивай меня. Хватит. Оно, конечно, похоже на сказку, но меня в этом доме уже ничто не удивляет. После того что я здесь пережил... Так вот, дядька говорил, что какой-то покойник здесь живёт и какие-то сборища устраиваются. Я из этого ничего не понял, но меня начинает бесить, что я ни от кого ничего не могу добиться. Даже от тебя. Как будто здесь какой-то заговор. Молчат все как партизаны и всё. Если бы я тебя так сильно не любил, плюнул бы на всё и ушёл. Понимаешь?

Наташа ни слова не говоря, встала и потянула его за руку в прихожую.

– Одевайся и пойдём, погуляем.

Светило солнце, стояла приятная морозная погода. Наташа взяла мужа под руку, прижалась к нему и некоторое время шла молча.

– Коля, я не знаю, что тебе рассказал дядя Серёжа, но, наверное, он сказал тебе правду. Может быть, не всё до конца, но всё же.

Женщина глубоко вздохнула и, как бы собравшись с си-

лами, продолжила.

– Так вот, слушай. В нашем доме действительно когда-то было совершено убийство. Я расскажу, как это было. Мой прадед, это который был офицером царской армии, во время первой мировой войны получил ранение и вернулся досрочно домой. Потом, через какое-то время, к нему приехал погостить его боевой друг. Мой прадед был ему чуть ли не жизнью обязан, потому что тот его где-то когда-то спас. Короче, они были большими друзьями. Я не знаю, сколько он у них жил, но во всяком случае, известно, что он довольно сильно прихлестнул за бабушкой. Это та, которая на портрете в зале. Дедушка поначалу вроде бы ничего не замечал, поскольку слепо доверял другу. У него даже мысли не было, что тот может сделать такое. Но когда узнал, то случилось что-то страшное.

Наташа смолкла, оглянулась по сторонам и ещё теснее прижалась к Николаю.

– Тебе холодно, может быть, зайдём куда-нибудь? – спросил муж.

– Нет, не надо, лучше так.

– А откуда ты всё это знаешь?

– Понемножку узнала, то отсюда, то оттуда. Что-то бабушка мне рассказывала, да и тётя Лида немного. Так вот, слушай дальше. Тот мужик вроде бы умел колдовать, и он как будто приворожил бабушку к себе и у них начался бурный роман. Когда дед начал что-то подозревать, то устроил слеж-

ку и однажды застукал их на месте преступления – в постели. Разразился страшный скандал, и дед вызвал своего друга на дуэль офицерской чести. Хотя какая там дуэль, они в то время уже давно были запрещены. Его друг на дуэль не согласился и заявил, что он уезжает и забирает бабушку с собой. Тогда дед решил его убить. Как он его убивал, я не знаю, но в родне ходят ужасные слухи, что длилось всё это очень долго и было невероятно страшно. В этом человеке было как будто семь жизней. Так вот, когда бабкин соблазнитель умирал, он заявил, что не оставит нас в покое и будет мстить. Вот и мстит.

Николай остановился, повернулся лицом к жене.

– Наташа, и ты в самом деле веришь, что этот покойник живёт в вашем доме? Ведь это же на сказку похоже. Кто сегодня верит в такое? Какие там духи, ты что? Да и сколько лет-то уже прошло.

– Сказка, не сказка, но в нашем доме вот такое происходит. В детстве мне родители говорили, что это домовый шкочничает и что это, вроде, у всех бывает. А потом, когда умер мой отец, нам стало ясно, что всё это не так уж и просто. К тому же, нам с детства запрещалось играть в саду, потому что в нём дед зарыл покойника, с тех пор этот сад считается нечистым. В нём ничто не растёт.

– То-то тётя Лида тогда так на меня набросилась, понятно. Ну почему же ты мне ничего раньше не сказала? Если у вас тут так беспокойно, то мы сюда бы не приехали. Лучше бы

по времянкам слонялись, чем в таком ужасе жить.

Наташа склонила голову.

– Конечно, я виновата перед тобой, но я думала, что всё это уже давно кончилось. Ведь столько лет прошло, как я уехала из дому. Надеялась, что всё прошло, а оказывается, ужасы продолжаются.

Николай отошёл на шаг, отчаянно махнул рукой. Он замолк на минуту, огляделся по сторонам, потом опять подошёл к жене и заглянул ей в глаза.

– Самое страшное, что я не могу защитить ни тебя, ни себя. Это же какая-то несуразица. Ты понимаешь? Беспомощность сводит меня с ума. Да и не могу я во всё это поверить, не могу и всё. Мне кажется, что я сижу в кино, смотрю фильм ужасов и жду, что он вот-вот закончится.

Наташа снова взяла мужа под руку и слегка подтолкнула его идти дальше.

– Я тоже думала, что это только страшный фильм детства, а оказывается, нет.

– Ладно, но ты-то тут при чём? Ведь всё это было когда-то, и давно прошло. Если у них там были какие-то разборки, перестреляли они друг друга, ну и хватит на этом. Но у меня такое чувство, как будто кто-то по-особому чего-то хочет именно от тебя? По ночам эти скрипы, потом когда ты меня чуть не задушила. Только кто это, кто? Ну, сказки же, скажи, что всё это сказки?

– Не сказки это, Коленька, хочет он меня, хочет. Понима-

ешь?

– Не понимаю! Не понимаю, и не хочу понять. Если он мёртв, то как он может хотеть чего-то от живых и от тебя в частности? Даже если он, в самом деле, где-то там, в царстве мёртвых ещё существует, то при чём здесь ты? Чего ему от тебя надо? Хотя сказки всё это, не верю. И всё.

Наташа глубоко вздохнула.

– Ну ладно, слушай. Да, действительно, всё это звучит как страшная сказка, но этот покойник вроде бы претендует на всех женских представителей нашей семьи. Это были не только моя прабабушка, но и бабушка и моя мама тоже. Мой отец попытался противиться этому, так он его просто уничтожил. А теперь он претендует на меня. А я не знаю, что делать. К тому же, я сильно похожа на мою прабабушку. Ведь портрет в зале это он нарисовал. Прадед выкинул его на чердак, а потом, когда покойник нас начал мучить, отец повесил его на стенку в надежде, что он оставит нас. На какое-то время вроде бы стало спокойней, но потом ещё хуже стало.

Николаю стало жарко. Он замедлил шаг, ослабил шарф.

– А может быть, этот портрет надо выкинуть? Если с ним связана такая чертовщина, то его надо просто уничтожить или ещё проще – сжечь? Можно же как-то в конце концов от всего этого избавиться? Да и сервант туда же, вместе с покойником на костёр.

– Ой, нет, Коля, боюсь, что от этого ещё хуже станет. Он

ведь мстить будет. Тётя Лида говорит, что именно этого он и хочет.

– А тётя Лида-то здесь при чём? Ей какое дело до того, что у нас висит в комнате?

– Она его главная жрица.

– Кто-кто она? Жрица?! – Николай остановился и удивлённо уставился на жену. – Какая ещё жрица, это что ещё такое?

– Ой, Коля, много я тебе рассказываю, много, ведь нельзя же, нельзя. Ты только не проболтайся ей, ладно? – Наташа взяла Николая за воротник пальто и заглянула ему в глаза. – Нельзя такое никому рассказывать. Мне после этого ещё хуже будет.

– Да знаю я уже всё, мне дядя Сергей рассказал. Страшная тайна, говорит. Чуть концы не отдал, когда до него дошло, что он мне по пьянке тайну выболтал. Рассказывай дальше. Буду молчать. – Николай на минуту замолк, потом нерешительно продолжил, – хотя не знаю, если сильно достанут, может, и устрою им разнос.

– Коленька, не надо, прошу тебя, не надо, он сильнее тебя, он тебя угробит, как угробил моего отца. Не надо, пожалуйста.

Глаза Наташи наполнились слезами, голос задрожал.

– Ладно, рассказывай дальше.

– Так вот. Тётя Лида создала целый культ поклонения этому покойнику. Вроде как задабривает его. Она и ещё

несколько человек устраивают сборища, посвящённые ему.

– И где они их устраивают?

– У нас в зале.

– У нас?!

Лицо Николая налилось краской. По всему было видно, что он готов был взорваться от злости.

– Да какое они имеют на это право? Это твой дом, и пусть они катятся со своим покойником на все четыре стороны. Надо же, выдумали. То-то у нас всё скрипит и топает. Нет, так не пойдёт. И часто они это делают?

– Не знаю, пока мы здесь, ещё не было, но тётя Лида, как мне кажется, что-то готовит.

– Я ей приготовлю! Я ей покажу. Устроила тут какую-то засаду и мучает нас.

Ярости Николая не было предела. Наташа не на шутку начала бояться, что Николай сейчас помчится домой устраивать скандал. Она взяла его за голову, повернула к себе и заглянула ему в глаза.

– Коленька, не надо, пожалуйста, успокойся, не делай глупостей. Ты ничего не сможешь сделать. Понимаешь? Ничего! Это, ну, просто, непобедимая сила. От неё не избавиться. Мой отец уже пробовал, но ты видишь, чем всё это кончилось. Надо или смириться и служить ему как тётя Лида это делает, или бежать отсюда куда глаза глядят. А тебя потерять будет для меня страшнее всего.

– А мне кажется, что я тебя уже теряю. Каждый день ты

всё дальше удаляешься от меня. Тайны какие-то имеешь. Ты вообще не своя. Как будто кто-то другой в тебя вселяется и действует через тебя. Не знаю, прямо, что делать.

Николай махнул рукой и видно было, что только что услышанное воспринимается им с трудом. Некоторое время они шли молча, потом Николай вдруг резко остановился и повернулся к жене.

– Знаешь что, давай уедем отсюда. Сколько можно терпеть такое? Мы живём здесь без году неделя и столько уже всего натерпелись. Ведь так и психом недолго стать. Может быть, хоть таким образом избавимся от этой чертовщины?

– Уедем, – Наташа сжала кулачки, прижала их к груди Николая и решительным голосом добавила, – уедем, обязательно уедем. Будь что будет.

Женщина решительно взяла мужа под руку.

Они не подозревали, что из этого ничего не выйдет...

На следующий день работа валилась у Николая из рук. Голова была забита услышанной информацией, и он всё думал, как же от всего этого освободиться. Просто так уехать – это было именно то, что ему больше всего хотелось, но куда? Надо хоть немного продержаться, накопить денег, хотя бы зиму перезимовать.

Николай лихорадочно размышлял. Снова и снова пытался проанализировать ситуацию, выстроить планы на будущее, но постоянно натыкался на какую-то внутреннюю блокаду.

Теперь он сам начинал верить, что там кто-то есть, кто-то держит их в своих руках и правит ими. Николай вдруг ощутил себя марионеткой в чьих-то злых руках. Как из них вырваться, как опять стать свободным? Как из этой ситуации освободить Наташу? Страшные силы были неведомы ему и непредсказуемы. Николай никогда раньше не сталкивался с таким явлением и даже не верил ни во что подобное. Но теперь?..

С утра у него болела голова, потом начало ломить тело, но всё же Николай решил идти на работу. Нужны были деньги. Как-нибудь перебьёмся – решил он. Вторая смена не так загружена, можно немного расслабленной работать. На работе ему неожиданно стало хуже, голова трещала, всё тело ломило, видимо, поднималась температура. Было около десяти вечера, когда Николай решил идти домой. Дорога была не дальняя, но на этот раз она показалась ему бесконечной. Несколько раз он останавливался, сердце лихорадочно колотилось у самого горла, голова кружилась, боль в теле становилась всё сильнее.

Наконец он добрался. Войдя во двор, мужчина насторожился – что-то ему показалось странным. Окна в его половине дома были изнутри завешены чем-то красным. Николай хотел было остановиться и рассмотреть всё повнимательней, но ему вдруг всё стало безразличным, и он просто решил войти, чтобы скорей завалиться в кровать. Может быть, до-

ма найдётся молоко с мёдом и таблетка аспирина.

Он вошёл в прихожую и хотел было открыть дверь в свою половину, но она оказалась запертой. Изнутри раздавались странные звуки. Николай изо всей силы навалился на дверь, и она поддалась.

Внутри творилось что-то невообразимое. Полумрак, передвинутая мебель, какие-то люди, кто-то совершенно обнажённый, а кто-то закутанный во что-то чёрное. Все они стояли вокруг их большого кухонного стола, на котором кто-то лежал. Несколько свечей мерцали, пытаясь развеять неуютный, зловещий полумрак. Но ужасней всего был шум, и даже не шум, а какой-то страшный, истошный вопль. Это был не человеческий голос. У Николая от этого крика мороз пробежал по спине. В поисках его источника он оглянулся и увидел на стене крест, на котором висела кошка. Она была прибита гвоздями и издавала душераздирающий крик. Николай слышал, как кричат кошки по весне, но этот крик превосходил всё, что он слышал когда-либо ранее. Бедное животное извивалось и пыталось освободиться, но гвозди держали крепко.

– Вы что делаете, звери? – пытался закричать Николай, но из его горла вырвался только сиплый шёпот.

Все же кто-то из присутствующих, видимо, услышал его. Несколько человек повернулись в его сторону. Среди них он узнал тётю Лиду. Но самое страшное случилось в следующий момент – Николай смог, наконец, разглядеть стол и ле-

жащего на нём человека. Это была Наташа. Она лежала, совершенно обнажённая, с широко раздвинутыми ногами и к ней кто-то пристроился. В первый момент Николай не понял, кто это был, но потом узнал в нём того человека. Он его никогда не видел, но ему стало ясно, что это именно он – друг Наташиного прадеда, который где-то здесь в огороде закопан. Откуда он взялся? Он что, воскрес из мёртвых? Такое же бывает только в сказках.

– Наташа, – опять хотел закричать Николай и рванулся было вперёд, но в это мгновение тот человек поднял на него свои глаза. Из них исходил какой-то жуткий красноватый свет. Это был страшный взгляд. Но страшней всего была усмешка. Своим взглядом он как бы издевался не только над Николаем, над Наташей, но и, как Николаю показалось, над всеми присутствующими, над всем человечеством. Это был взгляд победителя, который до глубины души презирает побеждённых, – взгляд суперчеловека на достойных унижения людей низшей расы.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.